

Музыка зазвучала внезапно, словно камень, брошенный в воду и пустивший по ней круги. Мелодия была неожиданной, но отнюдь не назойливой.

На сцену вышли танцовщицы в ослепительно белых нарядах из тончайшего шелка, сквозь который угадывались очертания их тел. Вдруг ленты взметнулись вверх, расцветая в воздухе пышным алым цветком! Когда танцовщицы дернули за концы лент, лепестки дождем посыпались на пол, устилая его сплошным ковром. Темп танца ускорился: девушки закружились, вновь поднимая лепестки в воздух.

Зрелище было поистине завораживающим. И в тот момент, когда танцовщицы собрались в круг, из пустоты возникла яркая алая фигура.

На нем был легкий халат из красного шелка, а длинные волосы перехвачены лишь простой лентой. На шее, запястьях и щиколотках позвякивали изящные серебряные бубенчики, вторя каждому движению. Лицо наполовину скрывала полупрозрачная вуаль того же цвета, которая то открывала, то вновь прятала черты танцора в вихре движений.

Каждое его движение было выверено до мелочей — так не сумела бы станцевать ни одна из обычных танцовщиц. Его тонкая, гибкая талия казалась такой хрупкой, что ее можно было обхватить одной рукой. То он грациозно вскидывал запястья, склонив голову, то плавно вытягивал руки, словно облака. Сложенный веер в его руках порхал, будто кисть каллиграфа, выводящая узоры на полотне, — рукава взлетали, вторя каждому взмаху, изящно и стремительно.

Музыка лилась чистым ручьем, а веер в его руках превращался то в послушную кисть, то в натянутую струну. Вращения, взмахи, раскрытия, смыкания — все это напоминало полет дракона или танец феникса. Взмах облачных рукавов манил за собой бабочек, а изгибы гибкого стана казались легким дуновением ветра.

Он напоминал порхающую бабочку, летящий лист, цветок в чаще, что кружится в ритме ветра. Сейчас он был подобен лесному духу! В мире не нашлось бы мужчины, способного устоять перед такой красотой. Люди всегда тянутся к прекрасному, а уж перед столь ошеломляющим зрелищем и вовсе невозможно устоять.

Когда музыка стихла, Чу Синхуань неспешно вышел на середину сцены. Лента, державшая волосы, соскользнула, и густые пряди водопадом рассыпались по плечам. Он присел на низкий табурет и заиграл на гучжэне. Его песня, древняя и мелодичная, звучала мягко, словно легкий ветерок, проносящийся над полем цветов и оставляющий после себя лишь тонкий аромат. Каждое движение его пальцев завораживало, а взгляд был полон нежности. Каждая улыбка, каждое мимолетное движение бровей лишали рассудка.

Зрители в зале застыли, не в силах отвести глаз, в которых читались глубокая жадность и жажда.

Выступление подошло к концу, но публика все еще пребывала в оцепенении, не сводя глаз с

фигуры на сцене.

— Ну же, господа, очнитесь! Выступление нашего Синхуаня завершилось, и теперь наступает самый волнительный момент, — матушка Лю с трудом сдерживала довольную улыбку, глядя на ошарашенную толпу. — Кому же из вас так повезет провести эту ночь с нашим Синхуанем? Давайте же наберемся терпения, а пока свои номера покажут другие девушки.

Матушка Лю, сияя, удалилась со сцены, чтобы обсудить дальнейшее с Чу Синхуанем, оставив после себя зал, полный взбудораженных мужчин, которым уже было совсем не до выступлений остальных танцовщиц.

Тем временем в ложе на втором этаже:

— Ох, цветок куртизанок — он и есть цветок куртизанок. Никогда не видел такого манящего духа.

— Верно. За всю свою жизнь я не встречал столь ослепительной красоты.

— О небо! И как теперь выбирать? Неужели победит тот, кто выложит больше серебра? Если так, я просто не выдержу. Генерал, одолжите мне немного денег, а? Если все получится, я буду помнить вашу доброту всю жизнь!

Один из офицеров с горящим взглядом умолял Сяо Хунцзина. Тот промолчал, не отрывая взгляда от гучжэня. На самом деле, стоило ему увидеть ту алую фигуру, как его тело отозвалось невольным возбуждением. Но он не обращал на это внимания — все его мысли были поглощены танцором, он боялся пропустить хоть малейшую деталь этой красоты. Он был вынужден признать, что этот человек обладал над ним роковой властью, но он был готов утонуть в этом чувстве без остатка.

— Хозяин, ты просто великолепен! Посмотри на их жалкий вид, умора! Хозяин, у тебя найдется время научить меня этому танцу? Я тоже хочу так научиться!

— Хорошо, после сегодняшнего вечера научу.

— Ура! Хозяин, ты самый лучший!

В этот момент к ним подошла матушка Лю:

— Синхуань, ты решил, как будешь выбирать?

— Да, я все продумал. Сделаем вот так.

Матушка Лю выслушала его и посмотрела на него со сложным выражением лица:

— Может, еще раз подумаешь? Ты же так останешься в огромном убытке!

— Нет, не хочу больше думать. Благодарю за труды, матушка Лю.

— Эх, будь по-твоему. — Матушка Лю с тяжелым сердцем удалилась.

Ночь становилась глубже, здание постепенно затихало. Все замерли в томительном ожидании. Лишь лунный свет, словно серебряная вуаль, ложился на крыши и оконные рамы.

Чу Синхуань сидел у окна, глядя на полную луну, и на душе у него было спокойно и безмятежно. Лунный свет окутал его, словно наделив таинственным сиянием. Он тихо улыбнулся — это была улыбка победителя. Сейчас он был истинным цветком куртизанок, в самом прямом смысле этого слова.

— Эта ночь подходит к концу, и пришло время узнать, кому же достанется главный приз. Сегодня мы сыграем в игру. Тот, кто хочет участвовать, должен предложить некую вещь. Неважно, дорогая она или дешевая — если она приглянется нашему Синхуаню, то эта ночь будет принадлежать вам.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Обменять вещь на человека?

Простые люди ликовали: раньше они могли только мечтать о таком, а теперь, в надежде на чудо, бросились отдавать свои лучшие вещи. Богачи же, напротив, пришли в ярость — они-то рассчитывали, что победит тот, у кого толще кошелек, а тут такая неожиданность. Им пришлось спешно доставать из карманов самые редкие, ценные и необычные предметы.

Сяо Хунцзин, услышав это, на мгновение замер, а затем начал растерянно осматривать себя. Он ушел из дома в спешке, его вытащили еще до того, как он успел вернуться в поместье. Не найдя у себя ничего подходящего, он начал нервничать.

Окружающие тоже принялись лихорадочно рыться в вещах.

— Генерал, вы будете участвовать? — радостно спросил заместитель, вынимая свой меч.

— У меня с собой ничего нет, — с редкой для него растерянностью ответил Сяо Хунцзин.

Заместитель опешил, решив, что ослышался. Он перевел взгляд с меча на лицо генерала, но не заметил ничего необычного.

— Да как так? А как же тот нефритовый кулон, который вы носите с самого детства? Неужели его нет при вас?

Сяо Хунцзин замер, затем правой рукой быстро расстегнул воротник и вытащил кулон, прижатый к груди. На его лице промелькнуло выражение человека, нашедшего величайшее сокровище.

— Черт возьми, вы серьезно? Вы правда собираетесь отдать семейный кулон? — Заместитель взглянул на украшение и едва не лишился дара речи. — Ну вы даете! Вы мне его даже посмотреть толком не давали, а тут ради красоты... ну надо же.

Сяо Хунцзин осторожно снял кулон с шеи, нежно потер его, словно живое существо, и передал его матушке Лю. Окружающие лишь качали головами: генерал и впрямь потерял голову из-за красоты.

Меньше чем через полчаса все вещи были собраны. Золото, драгоценности, документы на землю и дома, агаты, жемчуг, нефритовые заколки, веера, золотые трубки, бамбуковые флейты... Все это заполнило комнату. Чу Синхуань медленно проходил мимо, внимательно осматривая подношения.

— Хозяин, хозяин, кулон! Там кулон!

Чу Синхуань молча смотрел на десятки разных нефритовых подвесок.

— О нет, я забыл, как именно выглядит тот кулон!

Едва 006 успел закончить фразу, как Чу Синхуань протянул руку, взял один из кулонов и передал его матушке Лю.

— Что? И это всё? Хозяин, ты уверен?

— Да, пусть будет этот.

006 в смятении закричал:

— О боже, нельзя же быть таким беспечным!

<http://bllate.org/book/21347/2167874>